

Людмила Иволина

Мазарини

Жизнь замечательных людей

Людмила Иволина

Мазарини

«Иволина Людмила Ивановна»

2017

Ивонина Л.

Мазарини / Л. Ивонина — «Ивонина Людмила Ивановна»,
2017 — (Жизнь замечательных людей)

Кардинал Джулио Мазарини – выдающийся политик европейского масштаба, первый министр Франции в середине XVII в., чья жизнь и восхождение к власти и по сей день окружены легендами и слухами. На фоне бурных политических событий на европейском континенте автор ярко показывает, как переплетались фортуна и таланты, личная жизнь и политическая деятельность в биографии этого неординарного человека. Преимущественное внимание в книге уделено психологическому образу Мазарини и его дипломатии в рамках всей Европы. Параллельно перед читателем предстают образы наиболее интересных и выдающихся деятелей эпохи, с которыми на разных этапах жизни приходилось сталкиваться удачливому и талантливому кардиналу. Книга написана на основе документов XVII в. – мемуаров современников, писем самого Мазарини, а также специальной научной литературы. Предназначена для широкого круга читателей.

© Ивонина Л., 2017

© Ивонина Людмила Ивановна, 2017

Содержание

Предисловие: Неизвестный Мазарини	5
Начало	8
Война и фортуна папского дипломата	14
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Людмила Ивонина Мазарини

Предисловие: Неизвестный Мазарини

Легче познать людей вообще, чем одного человека в частности.
Франсуа де Ларошфуко

*Никогда еще министр не управлял с такой неограниченной властью
и никогда так ею не пользовался для своего возвеличивания*
Мадам де Лафайетт

XVII век был столетием, на протяжении которого разрешались многие противоречия перехода европейского общества от средневековой к буржуазной цивилизации. Она стал, пожалуй, одним из самых своеобразных, переломных, до конца непонятых и неизученных столетий христианской эры. Характер этого столетия проявлялся в отсутствии стабильности, многослойности общества, наличии единой тенденции в развитии экономики и полярных тенденций в духовной и политической жизни, выразившихся в стремлении к монополизации власти и одновременно к свободе, в конфессионализме и рационализме. Все это вело к крупным внутренним и международным потрясениям, непрерывным политическим и идеологическим бурям. То был век затяжных и кровопролитных войн, политических потрясений в странах Европы, массовых эпидемий и голода. Он был начат в 1600 г. казнью Джордано Бруно и исковеркан ожесточенными и повсеместными попытками повернуть назад, в Средневековье, раскрепощенную Реформацией и Возрождением человеческую мысль и образ жизни. Но XVII век оказался вместе с тем временем необыкновенного взлета человеческого духа, новых открытий и изобретений, политических, экономических, философских и художественных достижений. Это была эпоха коренных изменений, окончившихся победой рационального мышления и миропонимания, началом новой эры – эпохи Просвещения.

Любое столетие по-своему олицетворяют его люди, особенно выдающиеся личности – «творческое меньшинство», согласно меткому определению А.Дж. Тойнби. Кто же был политическим олицетворением XVII века? – кардинал Ришелье, Оливер Кромвель, Людовик XIV? Этот список имен можно долго продолжать. Нам представляется, что ни одна из выдающихся фигур столетия так полно не отражает свое время, как кардинал Джулио Мазарини.

Для биографа писать о Мазарини – задача нелегкая. И, прежде всего, потому, что фигура кардинала Джулио Мазарини и по сей день является одной из наиболее необычайных и таинственных в европейской истории XVII в. Итальянец и римлянин по происхождению, военный капитан, папский дипломат, тайный агент двух государств, он, надев кардинальскую мантию, в течение восемнадцати лет вершил судьбы Франции и Европы и подготовил к государственной деятельности Короля-Солнце – Людовика XIV, при котором Франция являлась самой могущественной державой Европы.

История его восхождения – это история тех европейских государств, в которых он жил, и которым служил – Рима, и, в первую очередь, Франции. Это политическая история всего континента, в рамках которого он действовал, история людей, с которыми общался, история его особой силы и личных чувств. Человек действия, он не потратил, подобно своему великому предшественнику на посту первого министра Франции кардиналу Ришелье, времени на то, чтобы выразить свои мысли об обществе и правлении на бумаге, описать свое восхождение к вершинам власти. Потомкам осталась лишь его многочисленная деловая корреспонденция.

Это одна из основных причин, почему легче писать о Ришелье, о таких министрах, как Ж.-Б. Кольбер, чьи политика и достижения яснее для понимания, о современниках Мазарини герцоге де Ларошфуко и кардинале де Реце, оставивших свои мемуары. К тому же Мазарини, как никто другой, был нелюбим со стороны тех, кем ему пришлось управлять, над кем властвовать, а его репутация постоянно зависела от сравнения с «великим кардиналом» Ришелье.

В глазах современников и трудах авторов последующих поколений вплоть до середины нашего столетия его деятельность не получала адекватной оценки. Историки-романтики первой половины XIX века вслед за Франсуа де Ларошфуко и французские писатели, подобно Дюма-отцу, считали его одним из виновников политического хаоса во Франции середины XVII века. Так, в «Истории Франции в министерство кардинала Мазарини» под редакцией Ж. Базена (1842 год) дается такая характеристика этого человека: «Кардинал Мазарини забыл, что такое честь и совесть, когда боролся за первое место в государстве... он пробился лишь благодаря мощной воле кардинала Ришелье».

Конечно, наряду с отрицательными, положительные черты Джулио Мазарини отмечались его современниками. Франсуа де Ларошфуко, блестящий французский аристократ, писатель и сатирик XVII века, отмечал: «Ум его был обширен, трудолюбив, остёр и исполнен коварства; характер – гибок, даже можно сказать, что у него его вовсе не было, и что в зависимости от своей выгоды он умел надевать на себя любую личину».

Покровительствовавший ловкому и обходительному итальянскому прелату кардинал Ришелье видел в нем достойного продолжателя своего дела и перед смертью говорил ему: «Джулио, зная Вас очень хорошо, я предсказываю, что фортуна Ваша пойдет далеко, даже, может быть, дальше моей, ибо Вас природа создала настолько гибким, что Вы проскользнете в такой проход, которого я даже не замечу. Джулио, если бы нужно было обмануть дьявола, я прибегнул бы к Вашим талантам».

Подобных высказываний современников Мазарини множество. Но все они, независимо от общего оттенка – отрицательного или положительного – подчеркивали выдающийся ум, ловкость и хитрость, осторожность и вместе с тем авантюризм кардинала.

Безусловно, преемнику кардинала Ришелье в должности первого министра Франции в историографии не совсем везло. Лишь в последнее время фигура Джулио Мазарини начинает приобретать более разносторонний облик, хотя исследований о нем и сейчас меньше, нежели о Ришелье. Вот одна из типичных характеристик Мазарини как человека современным французским историком Жоржем Детаном: «... настоящий и преданный сын и брат, нежный друг, ярко выраженный коллаборационист и одновременно сильный государственный деятель, временами простой и решительный, очень постоянный в отношении Анны Австрийской и короля».

Однако и сегодня самой главной особенностью биографий Мазарини остается подчеркивание авантюрных и «барочных»¹ черт обыденного и политического поведения кардинала, в целом согласующихся с положительной оценкой его деятельности. В связи с этим перевод на русский язык фундированной книги известного французского историка Пьера Губера можно назвать заметным явлением. Эта, несомненно, прекрасная работа – скорее срез социально-политической истории Франции середины XVII века, на фоне которой подан несколько приукрашенный портрет французского политика, главными качествами которого автор считает непомерное честолюбие и исключительную проницательность. Примечательно, что Губер почти не доверяет свидетельствам современников Мазарини, что представляется не совсем верным, поскольку познать этого человека в значительной степени можно путем сравнительного анализа мнений противников и сторонников. Жизнь Мазарини по-прежнему полна тайн.

---

¹ т. е. черт поведения человека эпохи Барокко, отличавшегося непредсказуемостью, изменчивостью, вычурностью и рисовкой.

Между тем значение личности и деятельности Джулио Мазарини трудно переоценить. Он принадлежит к той немногочисленной группе государственных деятелей, которые умели выделить свои главные цели и следовать им, умели понять движение истории. Недаром крупный французский политик и бывший президент страны Франсуа Миттеран назвал свою внебрачную дочь именем Мазарин.

В каждом из нас, зачастую даже очень гармонично, уживаются противоположности, которые, возможно, и подталкивают нас к определенной деятельности, к развитию. Характер Мазарини был настолько многогранным, что сочетал в себе все особенности своего столетия. В нем слились воедино люди разных профессий и разных мировоззрений. Он как никто другой умел подчиняться правилам своего времени, его этикету, протестуя там, где это было нужно ему и его государству. Мир Мазарини – это его эпоха, он сам – ее олицетворение. Вместе с тем, выступая в ногу со своим временем, позволяя себе все жизненные радости и все политические приемы, Джулио Мазарини забежал намного вперед.

Так кто же он, Джулио Мазарини? Какой след оставил он в истории Франции и Европы?

Начало

*Столетию было два года...
Джулио Мазарини*

Сначала была Италия... Синее море и синее небо, яркое солнце и теплый ветер. Рай, осязаемый лишь визуально, но остающийся в душе навсегда...

Но и в раю бывают бури. Однажды в 1615 году мирный покой гор и зеленых равнин итальянской провинции Абруццы был нарушен страшным землетрясением, унесшим жизни более чем 30 000 человек. Среди разрушенных домов городка Пешины один принадлежал семье Буффалини. Здесь, в день Святого Беневента 14 июля 1602 года в семье сицилийского дворянина из Палермо Пьетро Мазарини и его жены Гортензии, урожденной Буффалини, родился старший сын Джулио.

Примечательно, что спустя почти два столетия, 14 июля 1789 года, в Европе произошло другое потрясение. В сердце континента Париже пала крепость-тюрьма Бастилия. Это событие послужило демонстрацией крушения Старого порядка во Франции, во многом созданного предшественником Мазарини на посту первого министра кардиналом Ришелье, но сохраненного и упроченного самим героем нашей книги.

Характер любого человека, как доказано современной наукой, обусловлен во многом наследственностью, а также временем и условиями, в которых он формировался. Уже в судьбе и характерах родителей Джулио можно обнаружить черты, переданные сыну. Отец, Пьетро Мазарини (точнее, по-итальянски его имя произносилось «Маццарино»), родился в 1576 году в Палермо. Он приехал из родного города в Рим молодым человеком двадцати лет, полным намерений сделать хорошую карьеру. Здесь же можно отметить легенды о темном и якобы плебейском происхождении Джулио Мазарини, пущенные в оборот его политическими противниками, особенно во время Фронды. Пьетро был сицилийцем, но землевладельцем, а не грузчиком или рыбаком. Но, возможно, его небольшое имение не приносило достаточного дохода, иногда приходилось и рыбачить – поэтому-то он и подался в Рим. Пьетро был изворотлив, обладал качествами делового человека, имел недурную внешность и не зря лелеял радужные мечты. Его брат Джулио Мазарини (именно в его честь был назван старший сын Пьетро) был иезуитом, считался одним из лучших проповедников в Риме и имел некоторые связи. Он устроил Пьетро мажордомом в римский дом знатного аристократа Филиппо Колонна. Эта древняя, влиятельная и богатая фамилия происходила из Испании.

Джулио, конечно, мог бы обеспечить Пьетро и лучшее место, если бы тот был более образованным и компетентным в делах. Но судьба, очевидно, благоволила к Мазарини и связала прочными узами их семью с домом Колонна. Работа была не обременительной, и вместе с тем денежной. Пьетро назначили ответственным за администрацию поместий и сбор налогов. Он немало обогащался на этом и сам. За это он был очень признателен патрону и замечал сыну в своем письме от 1629 года: «Я никогда ни в ком не видел такой снисходительности и доброжелательности». Возможно, знание о незаконных доходах отца с самого раннего детства возбуждали у его сына Джулио желание обогатиться самому.

Пребывая в доме Колонны (а тот находился в самом сердце Рима, в квартале Треви, где тогда еще не был построен знаменитый фонтан), Пьетро знал всех и вся в Риме. Там он вскоре познакомился с Гортензией Буффалини, дочерью одного из самых знатных людей папской столицы. Ее семья Чита ди Кастелло происходила из Умбрии. Один из братьев Гортензии являлся мальтийским рыцарем, а ее крестным отцом был Филиппо Колонна. Ко всему этому избранница сердца мажордома была красавицей. Неудивительно, что Пьетро влюбился без памяти,

да так, что почти позабыл про свои обязанности. К Гортензии проявлял благосклонность сам глава знаменитого дома. Но девушка, казалось, всей душой полюбила Пьетро, и они решили пожениться. В результате молодой мажордом на некоторое время уезжает из Рима вместе с женой в одно из ее поместий в Аbruцце. Там у молодой четы вскоре рождается первенец Джулио.

Жизнь великих людей всегда обрастает легендами. Некоторые биографы Мазарини предполагают, что его настоящим отцом был Колонна, а не Пьетро. Основанием для такого утверждения послужили сроки рождения Джулио (он был зачат в Риме) и то обстоятельство, что Гортензия по характеру была кокетливой, легкомысленной и благосклонно принимала ухаживания крестного отца. Но тот, якобы скрыть свой грех, выдал ее замуж за Пьетро, обеспечив богатым приданым. Есть еще один аргумент в пользу этого предположения – патрон Пьетро Филиппо Колонна всю жизнь заботился и следил за карьерой Джулио Мазарини.

Все может быть. Однако считается, что мать Джулио уехала рожать своего первенца в дом братьев, спасаясь от ужасного римского лета. Кроме того, характеры официального отца и сына схожи, и Джулио всю жизнь почитал отца и регулярно писал ему письма. А благосклонность Колонны можно объяснить его политическими убеждениями и благодарностью за услуги мажордома-отца и впоследствии дипломата-сына.

Джулио не был единственным ребенком в семье. У Пьетро и Гортензии родились еще два сына и четыре дочери. Впрочем, это мало отразилось на красоте Гортензии, впоследствии чуть пополневшей и принявшей облик матроны. Счастливой ее все же назвать было трудно – Пьетро с годами все больше отдалялся от жены, остававшейся все такой же легкомысленной. Любопытно, что эта черта характера Гортензии сочеталась с большой набожностью. Мать будущего первого министра Франции прожила достаточно долго (до 1644 года) и перед смертью узнала, что ее сын стал правителем самого сильного королевства Европы.

Вскоре семья Мазарини вернулась в Рим. Маленький Джулио с тоской покидал теплые, солнечные и зеленые холмы Аbruццы. Но грустить ему пришлось недолго.

Джулио с юных лет отличался феноменальной памятью, имел серьезный и пытливый ум, удивительно сочетавшийся в нем с непомерной подвижностью и шаловливостью. При этом мальчик был внешне очарователен и походил на ангелочка. Эти качества привлекли к нему всеобщее внимание и любовь. «Какой хорошенький,» – шептали ему вслед. Бесенку с ликом ангела, все прощали. Как часто внешность детей влияет на их дальнейшую судьбу! Непоседливый мальчик в первую очередь полюбился бездетному секретарю Колонны Бенедетти. Тот часто играл с ним, а во время приема посетителей Джулио нередко прятался под столом, сосредоточенно изучая туфли вошедших. После он вполне серьезно и чаще всего верно высказывал свое мнение об этих людях.

Бенедетти заметил патрону, что Джулио должен получить солидное по тем временам образование. Колонна и сам задумывался об этом, и поэтому одобрил мнение своего секретаря. В 1609 году семилетний мальчик вместе со вторым сыном Колонны Джироламо был определен в Римскую Коллегию – бастион просвещения иезуитов. Коллегия представляла собой огромное строгое квадратное здание в двух шагах от дворца семьи Колонна, которое могло разместить в своих стенах около 2 000 учеников. Позднее рядом с ним построили красивую церковь основателя ордена иезуитов Игнасия Лойолы. Здание Коллегии сохранилось в Риме и поныне. Это учебное заведение уже было признанным лидером реформированного и воинствующего католицизма, одним из инструментов распространения папской власти. Обучение в нем было основано на строгой дисциплине и предназначалось для тех, кто желал служить Христу, оставаясь в миру. Джулио провел там немало лет и показал прекрасные способности к изучению всех без исключения предметов и умение выступать на диспутах. Особенно блестящие успехи он делал в латыни, теологии, логике, геометрии и риторике. В документах Коллегии тех лет отмечались «его добрый дух, способности и грациозные манеры». Ученик хорошо усвоил уроки мэтров

и святых отцов дискутировать по всем предметам бытия, что очень пригодились ему в жизни спустя много лет. Схоласт, надо сказать, он был великолепный! Кроме того, в нем проявился и актерский дар. Перед юным Мазарини открывалась блестящая духовная карьера.

Все это очень радовало родителей Джулио. Тем более что семья росла гораздо быстрее, чем ее денежные доходы. И Пьетро сосредоточил все свои надежды на старшем сыне – он казался ему с самого рождения подарком судьбы.

Идеалы и стиль работы иезуитов в XVII веке постепенно изменялись в соответствии с требованиями нового времени. Они были миссионерами на границах христианского мира, проповедовали в лесах Канады и при дворе китайского императора, являясь, по существу, солдатами Христа. Но большинство иезуитов не обладали светскими манерами, не окунались в мир мирских забот – от них по-прежнему веяло сумраком ушедшего столетия. Не удивительно, что подвижный и гибкий ум будущего священника не вынес иезуитской схоластики и иезуитского поведения. Он перерос своих учителей и хотел познать все прелести жизни в этом мире. С 1616 года Джулио уже изучал право в Римском университете, а в 1622 году сдал экзамены на степень доктора этой дисциплины. Параллельно он сопровождал в качестве компаньона сына Колонны Джироламо на учебу в испанский университет Алькала. Немало времени молодые люди провели и в столице Испании Мадриде.

Поездка в Испанию имела большое значение в дальнейшей судьбе Джулио. Он, во-первых, изучил испанский, что сыграло немалую роль в его будущем общении с испаноязычной королевой Франции и личном прочтении перехваченной его шпионами испанской корреспонденции. Во-вторых, он был замечен в связях со знатными испанскими женщинами. По этому поводу произошло немало семейных скандалов, и двадцать лет спустя во Франции эти истории найдут свое отражение в многочисленных памфлетах и скабрёзных песенках. И, в-третьих, учиться ему уже не хотелось. Вскоре склонный к риску Мазарини оказался в рядах папской армии в Испании в качестве солдата. Но задержался он в этом «звании» недолго. Колонна позаботился о своем сыне Джироламо, в общем-то, человеке средних достоинств, Джироламо не испытывал никакого желания делать светскую карьеру, и благодаря связям отца он в двадцать три года стал кардиналом. Его сестра Анна вышла замуж за племянника папы римского Тадео Барберини, будущего начальника римской полиции. Четвертый сын Колонны Карло, пожелавший стать военным, приехал тогда как раз служить в испанской армии в Ломбардии.

Все эти «высокие» знакомства обеспечили Джулио Мазарини будущее. На военной службе у него подметили дипломатические способности, умение разбираться в людях и говорить с ними. Он тут же решил закрепить эти свои качества соответствующими дипломами. Благодаря семье Колонна Джулио познакомился с мастером Козимо Фидели, с помощью которого он без особых трудностей в самый кратчайший срок получил степень доктора права. Это обеспечило его будущую карьеру дипломата. Теперь и призвания, и образования у него для этого поприща хватало.

В 1622 году Коллегия отмечала важное событие – канонизацию Игнасия Лойолы. Джулио вместо заболевшего актера по просьбе святых отцов был избран играть роль Игнасия во время торжеств и произнести по этому поводу речь.

Сыграл он великолепно! Шквал одобрительных возгласов был тому подтверждением. Но в своей речи молодой Мазарини выявил «грехи» Лойолы, о которых церковь позабыла или старалась не упоминать. Пожалуй, первый и единственный раз в жизни будущий мастер компромиссов не пошел на компромисс. Это послужило ему уроком.

Еще много раньше поведение Джулио контрастировало с образом жизни большинства его сокурсников по Коллегии и университету. Мазарини имел много веселых друзей из числа праздных молодых дворян и сыновей зажиточных купцов и денежных мешков. Он проводил вечера за картами, где проявлял необычайную ловкость (но однажды он все же проиграл свои шелковые штаны), либо за веселыми шутками и попойками, либо, что еще хуже, гулял с дру-

зьями по городу, задирая прохожих и нередко вступая в драки. Веселая компания не гнушалась даже воровать, что потом любили при случае вспоминать недруги Мазарини.

Все это плюс выходка на праздновании канонизации стоили ему иезуитской карьеры. Духовного сана он тогда не получил и священником решительно становиться не желал. В будущем Мазарини всегда держал дистанцию по отношению к иезуитам, питая стойкое недоверие к этому ордену. Его биографы единодушно отмечают, что Джулио никогда не соглашался исповедоваться ни одному иезуиту. Но поскольку в будущем ему предстояло стать кардиналом, годы, проведенные в Коллегии, не прошли даром. Он служил государству и церкви способами, которые были для него приемлемыми и более подходили ему по характеру. Покорность никогда не была одной из основных его добродетелей, Джулио была больше по душе хитрая и умная властность. Именно это качество преобладало в этом человеке на протяжении всей его жизни. Дипломатия станет его делом.

Джулио был даже рад такому обороту событий. Иезуитский дух сковывал его энергию; ведь молодой человек являлся подлинным детищем барочного Рима с его неподражаемым стилем, который превращал Вечный город в место необычайной красоты и величия. Стиль Барокко был в некотором смысле театральным и отражал свою эпоху. Он был пышным и величественным, отчасти непонятным и многоформенным, но вместе с тем стройным и композиционным. Этот стиль выражал субординацию иерархического общества, принятого массами, все возмраставшую силу и власть абсолютистских государей, и стиль их дворцовой жизни. Одновременно барочные линии казались непостоянными и изменчивыми – стиль Барокко являлся спонтанным продуктом распространявшегося хронического пессимизма в обществе, предчувствия войны и трагедии.

Рим того времени был городом, куда Клод Лоррен и Франсуа Пуссен – великие французские художники – приезжали совершенствовать свое мастерство. Вообще Рим кишел артистами, художниками, архитекторами, масонами, законодателями мод. Среди однокашников Джулио Мазарини были сын римского архитектора Франческо Борромини и неаполитанец Джованни Бернини, которые по собственному желанию ушли из Коллегии и стали архитекторами. Их пример, возможно, вдохновил Джулио. Именно им предстояло сделать Рим столицей Барокко. Так сами римляне приспособливали классический, древний Рим к нуждам современного им общества.

Город постепенно преображался. Улицы выравнивались, приобретали перспективу, украшались красивейшими особняками, такими, как, например, палаццо Орнате. В Риме стало больше воздуха, здесь были собраны сокровища изобразительного искусства, не умолкал шум улиц и базаров, ни на минуту не прекращалась работа ремесленников, лавочников, писарей, а горожане часто могли любоваться яркими процессиями и веселыми карнавалами с фейерверками. Был усовершенствован старый римский водопровод, от него проведены многочисленные ответвления к умопомрачительному количеству красивейших фонтанов. Они потребляли 180000 литров чистой воды в день! Однако почти половина римлян вела паразитическую жизнь, несмотря на то, что папство специальными буллами предоставляло жителям города работу на строительстве, в торговле и на мануфактурах. Многие люди были настолько ленивы, что предпочитали жить в нищете и носить лохмотья вместо того, чтобы работать. Грабеж и разбой были повседневным и обычным явлением. В этом смысле традиции древнего Рима были неискоренимы.

Вместе с тем Рим являлся папской столицей, цитаделью церкви, которая послала на костер Джордано Бруно незадолго до рождения Джулио Мазарини. Рим был городом с четкими ограничениями для людей, которые могли и желали мыслить. Городом с претензиями на универсализм и подавляющим индивидуализм. Городом, где люди учились изворачиваться, ожидали чуда каждый божий день и надеялись на счастливый случай.

Молодой и энергичный Джулио Мазарини не верил в чудеса. Он научился изворачиваться и уповал на случай. Он был свободен, но что делать дальше? Пьетро в поисках средства, как он сам говорил, «исправить последствия столь дурного поведения», обратился к своему патрону Колонне, родственник которого, принц Палестрина, тогда командовал папской армией. Ведь для того, чтобы сделать приличную карьеру, молодому итальянцу из хорошей семьи необходимо было иметь могущественных покровителей, или, как их называли, «падрони». Первый «падрони» Мазарини Колонна знал, где можно использовать молодого человека. В 1624 году Джулио в качестве капитана римских войск был направлен в Миланский гарнизон, где повстречался с апостольским комиссаром папской армии Франческо Саккети. Надо сказать, военная репутация армии Рима была посредственной – многие посмеивались, что она видела противника только издалека. Впоследствии хорошо осведомленный о прежней жизни Мазарини кардинал Ришелье в шутку называл его «братом, отсекающим капустные головы» – намек на то, что, будучи военным, Джулио рубил своим оружием только траву и цветы. В 1626 году папа римский принял решение распустить свою дорогостоящую и абсолютно бесполезную армию.

Так кончается короткая военная карьера Джулио. Эти годы оставили о его личной жизни мало сведений, известно только, что в конце 1625 года он посетил Рим, чтобы завербовать несколько солдат для плохо укомплектованной армии, но, скорее всего, с целью повидаться с матерью и защитить отца, обвиненного в сентябре того же года в убийстве. Возможно, Пьетро был обвинен несправедливо, поэтому и не понес сурового наказания, но и этот факт биографии Мазарини позднее «обсасывался» его недругами.

Но именно тогда у капитана римских войск зарождалась и крепла уверенность в своих возможностях и своей счастливой судьбе. Здесь уместно вспомнить одну красивую легенду, связанную с именем Джулио Мазарини. В 1624 году молодой человек якобы встретился с пармским астрологом, тогда считавшимся лучшим ясновидящим в Италии. Астролог предсказал Мазарини большую карьеру во Франции и кардинальскую мантию в 40 лет.

Мы и сейчас склонны верить в счастливые предсказания. А что же говорить о людях XVII столетия? Не исключено, что после этого Джулио вдвойне уверовал в свои силы. Не зря же некоторое время спустя он серьезно решил связать свою судьбу с судьбой французского королевства.

Экс-капитан бывшей римской армии недолго оставался «не у дел». В 1627 году Саккети был назначен папским нунцием в Милане, а Джулио становится его секретарем. Мазарини сам шел навстречу своему успеху. Он сумел подружиться с четырьмя братьями Саккети, членами старой флорентийской фамилии, которая имела значительное влияние на папу. Такая дружба сыграла немалую роль на этой стадии его возвышения, поскольку даже Колонна не был способен длительное время помогать ему парировать происки его недоброжелателей в курии.

Этими годами датируется письмо молодого дипломата отцу, в котором он отметил, что доволен своей деятельностью. Можно подумать, что письмо предназначалось не только для глаз Пьетро. Без упоминания неприятных моментов, какие бывают и на самой успешной службе, написаны и другие письма этого времени Джулио к отцу. Эта корреспонденция сейчас находится в Министерстве иностранных дел в Париже.

Итак, пока Мазарини был удовлетворен жизнью. Дипломатическая деятельность в гораздо большей степени, чем карьера иезуита-священнослужителя или военного офицера, отвечала потребностям его натуры. С помощью приятного обхождения, тонкой дипломатической игры и умелого ведения дел ловкий и красивый секретарь нунция Саккети приобретает признательность и поддержку Колонны на всю жизнь и становится необходимым римскому папе и его окружению.

Образ любой исторической личности неотделим от эпохи, в которой она жила и действовала. Ведь жизнь каждого человека, разворачивается на каком-то отрезке времени, в бурном

потоке разных событий, могущих в значительной степени определить его судьбу. Мы уже кое-что знаем об окружении и условиях, в которых жил молодой Джулио Мазарини. Но не все. Время Мазарини – первая половина и середина XVII века – время бурных потрясений и значительных изменений в истории Европы. Этой эпохе французский историк XX столетия Р. Мунье дал определение «кризиса XVII века». Кроме того, в современной литературе всеобщий кризис связывают с «малым ледниковым столетием», характеризовавшимся необычной концентрацией экстремальных климатических явлений: в одних частях света и странах – продолжительной засухой, в других – длительными дождями и наводнениями, а в третьих – пиком сейсмической активности и землетрясениями. Все эти явления породили демографический упадок, эпидемии, войны, мятежи и революции, поскольку ответом на них стали «неверные политические шаги религиозных и политических лидеров», приведшие к кризису в глобальном масштабе. От кризиса больше страдали композитарные государства, в которых и так имела место политическая нестабильность, в основном, из-за сохранения территориями своих институтов и коллективной идентичности с разным языком и религией². Многие династии извлекли опыт из кризиса, и вышли из него с «эффектом Феникса», стабилизировав ситуацию и наметив путь к дальнейшему созиданию. Одной из таких династий станет династия Бурбонов, а путь к «выздоровлению» от кризиса проложат, в первую очередь, ее способные министры.

Кризис – это всегда перелом, граница. Он являлся результатом сложной перестройки всех сфер жизни европейского континента этого времени. В политической жизни прелюдией и первым проявлением кризиса была Тридцатилетняя война (1618 – 1648), охватившая всю Европу и явившаяся катализатором политических бурь середины и второй половины столетия.

Судьба Джулио Мазарини была во многом определена и обусловлена Тридцатилетней войной – главным событием политической и международной жизни XVII века. Ведь именно авторитет блестящего дипломата и человека «компромиссов», приобретенный за годы войны, позволил Мазарини в конечном итоге стать главой самого могущественного централизованного государства в Европе – Франции.

---

² См.: Parker G. *Global Crisis: War, Climate Change and Catastrophe in the Seventeenth Century*. New Haven: Yale University Press. 2013. P. 7–26.

Война и фортуна папского дипломата

*Веселый Бог удачи
умножил мой доход*

Английская песня

Тридцатилетняя война представляла собой колоссальный межгосударственный и политический конфликт XVII века и первую в мировой истории общеевропейскую войну, совместившую в себе все – борьбу средневекового и нового, рационального и конфессионального, прогресса и регресса. Это событие было настолько многомерным и многоплановым, что ряд историков вслед за современниками войны отваживались стать на позиции гиперкритицизма. Мол, Тридцатилетняя война – это не целостное временное событие, не борьба регресса и прогресса, не следствие религиозного рвения или государственного прагматизма. Это лишь местные вооруженные разборки. Война как бы растворяется во времени: она есть, и ее нет. И ни один из существующих взглядов и подходов не чувствует себя достаточно сильным, дабы объявиться единственно верным. Это лишний раз подчеркивает эклектику эпохи Барокко, в которой все, подобно самому барочному храму, сплетается в многоформенную и загадочную композицию. Анатомия Тридцатилетней войны – это анатомия Барокко, где каждому, кто заинтересуется ею, открывается масса неординарного и противоречивого.

В Тридцатилетней войне принимали прямое или косвенное участие все страны Европы, здесь столкнулись и получили полное либо частичное разрешение противоречия эпохи перехода от средневековья к новому времени. В эту эпоху формировались национальные и территориальные государства, возникали и крепились абсолютные монархии, происходили первые революции. Эти процессы вызвали к жизни появление новых межгосударственных отношений. После Тридцатилетней войны основой внешней политики окончательно становится государственный интерес, постепенно и долго освобождавшийся от религиозных представлений. Но здесь же можно оговориться, что в этом отношении не следует быть излишне оптимистичным. Современному человеку, хорошо знакомому с политической историей второй половины XVII – XIX веков, может даже показаться, что в те времена политики были куда более рациональны, нежели сейчас. Конфессиональные конфликты конца прошлого – нынешнего столетий показывают это.

Первая европейская война была разрешением долгого противостояния двух политических направлений развития континента – универсалистского и антиуниверсалистского. Эти направления существовали в Западной Европе с начала XVI века. Первое из них реально представляла собой Империя Габсбургов, охватившая с 1519 года (с восшествия на престол императора Карла V) огромную часть Западной Европы – германские земли, Испанию, Нидерланды, Франш-Конте, Южную Италию. В 1555 году Аугсбургский религиозный мир зафиксировал конфессиональный и территориальный статус германских княжеств, а в 1556 году Империя разделилась на владения австрийских и испанских Габсбургов. Однако попытки подчинить князей и всю Европу в XVII веке оставались грозной политической реальностью.

Историческим фундаментом второго направления был многовековой процесс складывания европейских государств в этнических границах и возвышение в них королевской власти, в особенности в Англии и во Франции, а в рамках самой Священной Римской империи – укрепление территориальной власти немецких государей. Важной политической задачей этих держав и территорий являлась ликвидация наследия Империи Карла V и противодействие ее возрождению.

В годы войны оформлялось и крепло еще одно направление развития Европы – началось формирование основ правового буржуазного государства раннего Нового времени. В начале войны его представляла Республика Соединенных провинций, или Голландия. Конец войны ознаменовался возникновением Английской республики.

Характеристика международных отношений в Европе во время жизни и деятельности нашего героя будет очень неполной без одного важного обстоятельства. Еще со времен Реформации, распространявшейся на континенте в первой половине XVI века, в Европе возник политический дуализм на конфессиональной основе: государства континента разделились на два религиозно-политических лагеря: католический и протестантский. Это разделение послужило причиной конфессионализации³ политической жизни континента и образования религиозно-политических блоков – Протестантского союза и Католической Лиги – во время Тридцатилетней войны.

Каков же был почерк самой войны? Первая общеевропейская война выдвинула на первый план континентальной и мировой истории целый ряд политиков – императоров, королей, князей, герцогов, первых министров и просто дипломатов. В иных условиях и в иное время многие из них вряд ли бы так возвысились, стали известными. Но самым молниеносным и крупным возвышением была карьера Джулио Мазарини, человека, ставшего главой государства, к народу которого он не принадлежал. Его также можно на полном основании и отнести к непосредственным реализаторам дипломатии во время войны.

Кто же они были, дипломаты Барокко, что было главным в их деятельности? При всех симпатиях и антипатиях мы вынуждены признать: это были, прежде всего, храбрые и решительные люди. Их поступки иногда определялись не только государственной целесообразностью, столь понятной для наших дней, и конкретными заказами правительств. В неменьшей степени ими руководили собственные убеждения, желания и вера. Многие из них не боялись на свой страх и риск идти на компромиссы и уступки, на превышение полномочий, если считали правильным для себя или для своего государства именно этот путь. Они могли игнорировать раздражение своего двора, а то и прямую угрозу опалы. Дипломаты Тридцатилетней войны не были щепетильны в желании до мелочей проследить за ходом спланированных военных демаршей, они часто превращались из закулисных деятелей в прямых участников событий. Так, в 1618–1620 годах испанский посол при венском дворе Оньяте превращается в главного союзника императора Фердинанда: были моменты, когда он воплощал в себе и кассира своего короля, и частного субсидатора, не жалевшего собственных доходов на нужды имперских войск, и, наконец, старшего начальника испанских вспомогательных контингентов, получив при этом чин генерала-аудитора. А безвольные и благодатные натуры сразу же попадали под мощное влияние своих контрагентов. К примеру, венский посол в Мадриде фон Шенбург не мог противостоять обаянию, а еще больше – напористости первого министра испанского короля графа Оливареса. Во многом поэтому середина 30-х годов станет пиком влияния Испании на венский двор. В целом, стремительная динамика международных событий требовала от дипломатов и политиков верности четко поставленной цели, но в то же время ясности мысли, гибкости и умения идти на компромиссы.

Пожалуй, Джулио Мазарини в полной мере обладал всеми перечисленными качествами. Более того – он был образован и умен, красноречив и обаятелен, молод и красив, т. е. имел, как мы любим говорить сегодня, прекрасный имидж. И еще в немалой степени им руководила неумная жажда богатства и славы.

---

³ О конфессионализации подробнее см.: Schilling H. Confessional Europe//Handbook of European History 1400-1600. Vol. II/Ed. by T.Brady, H.Obermann, J.Tracy. Leiden, N.Y., Köln, 1995. P. 641–681; Idem. Konfessionalisierung und Staatsinteressen. Internationale Beziehungen 1559-1660. Paderborn, München, Wien, Zürich, 2007. S.6-8.

Тут же следует сказать о том, что дипломатия Тридцатилетней войны при всем своем все более выделявшемся прагматизме несла в себе большой заряд традиционализма. В большинстве своем дипломаты не рассматривали свою деятельность автономной и самоценной по своей природе. Послы часто являлись одновременно членами государственных и придворных советов, обладали титулами и были связаны, прежде всего, персональной верностью со своими сеньорами и патронами – королями, императорами, князьями, римскими папами. Многие из них обладали ленными держаниями, как от своих государей, так и от монархов, при дворах которых они были аккредитованы. Имела место, конечно, и конфессиональная пристрастность. Образ дипломата-монаха был очень распространенным в Тридцатилетнюю войну, особенно при решении интимных внутрисоюзных проблем. Самыми известными его воплощениями можно назвать отца Гиацинта из Казале, капуцина Александра из Галле, и, прежде всего, правую руку Ришелье – отца Жозефа. Что же касается папской дипломатии, в русле которой начинал свою дипломатическую работу Джулио Мазарини, то здесь, само собой, преобладали духовные лица и более высокого ранга.

Считается, что Тридцатилетняя война началась в Чехии (Богемии) восстанием в Праге 23 мая 1618 года после того, как из окна Пражского града были выброшены в ров два имперских чиновника. Впрочем, пока все обошлось без жертв. Это событие вошло в историю как «Пражская дефенестрация». Мятежники не выступали против императора Фердинанда II и имперской конституции, а лишь защищали свои автономные и религиозные права – в подавляющем большинстве чешское дворянство и горожане были протестантами. Своим королем восставшие чехи избрали в 1619 г. главу Протестантского союза немецких князей курфюрста Фридриха V, владетеля одного из самых влиятельных немецких государств на Рейне – Пфальца. Это избрание предполагало поддержку Чехии со стороны всех протестантов – немецких князей, а также Англии, король которой Яков I Стюарт был тестем Пфальцкого курфюрста. Таким образом, в войне ясно обозначились противники. С одной стороны – это император Священной Римской империи германской нации, Испания и Католическая лига немецких князей во главе с Максимилианом Баварским. С другой – Чехия, Трансильвания, Протестантский союз и симпатизирующие им, но не вступившие в войну на первом этапе (1618-1623) по внутрисоюзным причинам Франция и Англия.

На протяжении всего XVII века во Франции шел процесс укрепления абсолютной власти династии Бурбонов и роста политического влияния этого государства на континенте. Еще первый Бурбон на французском престоле – Генрих IV, будучи гением политических манипуляций, интуитивно чувствовал, как обернуть трудности в стране, только вышедшей из хаоса религиозных войн XVI века, к своей собственной выгоде и выгоде всех французов. Он понимал, что аграрное развитие большой по территории материковой Франции, окруженной со всех сторон владениями Габсбургов, требовало сильной в военном отношении и централизованной монархии. Получилось так, что события Тридцатилетней войны сыграли огромную роль в укреплении французского королевства и становлении его гегемонии на континенте.

Но на первом ее этапе положение Католической лиги с самого начала было предпочтительным. Военные и дипломатические усилия Испании и Империи развивались намного успешнее, что предопределило исход борьбы в их пользу – разгром Чехии в 1620 году и захват Пфальца в 1623 году.

Как уже читатель смог убедиться, удачная карьера молодого Мазарини была неразрывно связана с его деятельностью на поприще папской дипломатии. Быть дипломатом Рима – дело непростое, но Джулио умел вовремя понять, чего от него хотят, и что надо делать в данный момент. За время его жизни сменилось пять римских пап: Павел V из рода Боргезе

(1605-1621), Григорий XV Людовизио (1621-1623), Урбан VIII Барберини (1623-1644), Иннокентий X Памфили (1644-1655), и Александр VIII Чиги (1655-1667).

Римский папа Павел V из рода Боргезе был ярким сторонником Контрреформации. Поэтому по логике вещей он должен был безоговорочно поддерживать католические силы. Но хитрый понтифик не очень спешил, прекрасно понимая, что полная победа Габсбургов может быть чревата значительным перевесом влияния императора в католических государствах Европы, а не его, римского первосвященника. Еще Павел V хотел сохранить политическое преобладание Рима на всей территории Италии. Соперником папы в этом деле была Испания в лице первого министра короля Филиппа III графа Оливареса. Поэтому лишь с большим трудом и неохотой в конце 1618 г. папа разрешил Вене кредит в 60 000 гульденов сроком на полгода, а, в 1620 г. миссия посла Фердинанда II с просьбой о субсидиях в размере 1 000 000 гульденов из сокровищницы Св. Ангела кончилась неудачей. Вообще дипломатия римских пап, независимо от их симпатий, была дипломатией компромиссов. Именно на этом поприще выдвинулся, блестяще себя проявил и снискал себе славу мастера компромиссов папский дипломат Джулио Мазарини.

Римским понтификом, с именем которого было связано восхождение Джулио, был Маттео Барберини, Урбан VIII. Считается, что он являлся последним из римских пап, который желал помешать процессу централизации европейских государств, стремился усилить влияние Святого престола в католическом мире и за его пределами. Он частенько говаривал: «Ватикан не только видимое единство... Это реализация идеи и желания, это намерение сделать единство реальностью. На протяжении предыдущих столетий мы больше грабили, нежели делали. Теперь мы должны осуществить свою миссию...».

Прежде всего, эта миссия должна была, осуществляться с помощью папской дипломатии арбитра в европейских делах. В предшествующем столетии Рим активно вмешивался в династические и политические конфликты, особенно между Францией и Габсбургами. Эта линия поведения совсем не усилила влияние Святого престола, но в политике Урбана VIII она имела свое продолжение. При нем Рим был центром европейской католической пропаганды, центром яростных споров между различными течениями в самом христианстве, центром контроля деятельности церкви во всех ее владениях.

Это был первый мир Джулио Мазарини – к его счастью, Урбану VIII предстояло сидеть на папском престоле достаточно долго. Вполне естественно, что все его родственники, особенно племянники мужского пола, были хорошо пристроены. Таддео Барберини, женатый на дочери Филиппо Колонны, как мы уже знаем, стал главой римской полиции. Старший племянник Урбана VIII Франческо был кардиналом и контролировал четыре аббатства, что позволяло ему иметь много доходов. Он активно покровительствовал художникам, которые посвятили свои таланты служению вере. Правда, Франческо часто впадал в меланхолию, был неважным политиком и неудобным человеком для окружающих. Однако нередко посещавший кардинала Джулио Мазарини не вызывал его обычного раздражения, умел развлечь собеседника и даже вызывать приступы смеха. И почему его впоследствии во Франции называли занудой?

Младший брат Франческо Антонио, ставший кардиналом в двадцать лет, отличался большим жизнелюбием. Обаяние, красота, бесконечная череда любовных интрижек... Святой престол смотрел на все это сквозь пальцы. Но кардинал Антонио часто вступал в противоречия со своим отцом и братом по религиозным и политическим вопросам. Он легко справлялся со своими неудачами – безуспешной войной против Пармы в 1642-1644 годах, в которой лично возглавлял папскую армию, и тщательно пережевываемой современниками интрижкой с певицей Леонорой Барони. Он же возвел в Риме великолепный палаццо Барберини, покровительствовал развитию оперы и экспериментировал с выпуском военной продукции, которую его клиенты позднее пытались ввозить во Францию. В отличие от Франческо Антонио оказался

неплохим политиком, чувствовал, откуда дует ветер, и умел влиять на папскую дипломатию. Мазарини нашел в нем более приемлемого патрона, нежели Франческо.

Колонна, Саккети, Барберини... На своем пути к вершине Джулио проявил чудеса ловкости и умения обзаводиться нужными ему связями, влиять на могущих защитить и возвысить его людей. Наверное, при помощи своего непреодолимого обаяния и умения показать лучшие стороны своей разносторонней натуры в нужный момент. И не спорить по мелочам.

Но любая успешная карьера имеет свои пределы. Прыгнуть выше полочка помог случай, благодаря которому с легкой руки Антонио Барберини за Джулио прочно закрепилось в Риме прозвище «маэстро случая» (*maestro di casa*).

Двадцатые годы пронеслись для молодого Мазарини как ветер. Делами в Милане он был завален по уши, выполнял все добросовестно и справлялся лучше многих, что снискало ему уважение коллег, с одной стороны, и зависть, с другой. Впрочем, эти два чувства всегда неразлучны. «Мне иногда бывает трудно говорить любезности своим недоброжелателям. Но, увы, это нужно для дела», – как-то признавался Джулио кардиналу Антонио.

Во второй половине 20-х годов Мазарини выполнял дипломатические поручения, связанные с проблемой Вальтелины. Эта небольшая территория в Альпах на севере озера Комо принадлежала до этого времени протестантам Гризонам и находилась под протекторатом Франции. Для ее соседей был очень важен вопрос о ее религиозной и политической принадлежности. Вальтелина имела очень удобное стратегическое положение – ее захват мог соединить земли испанских и австрийских Габсбургов. Не менее важным представлялось влияние на эту землю со стороны Рима – это могло обеспечить нейтралитет и спокойствие североитальянских государств и повышение авторитета Урбана VIII как арбитра в европейских делах.

В 1622 году испанские полки под командованием Гонсальво де Кордовы вступили на землю Вальтелины. Но французское правительство, хотя и забеспокоилось, но никаких ответных мер не предпринимало, пока в 1624 года первым министром Франции не стал кардинал Ришелье. С согласия правителя Милана графа Фериа кардинал послал французские войска в Италию, а умелого дипломата Франсуа де Бассомпьера, маркиза Аруэ, ставшего впоследствии маршалом Франции, на переговоры в Мадрид. Со своей стороны, Урбан VIII тоже не мешкал: кузен Колонны принц Палестрина двинулся во главе папской армии по направлению к Вальтелине.

Крупный конфликт оказался никому не нужен. Как раз тогда Ришелье собирался покончить с сепаратизмом гугенотов – французских кальвинистов – у себя в стране и воевать чужими руками, но при помощи собственных денег за пределами Франции. А первый министр испанской короны – честолюбивый и умный Оливарес – пока не желал раздражать французов. Он имел надежды на то, что война против протестантов разожжет католические чувства во Франции, и ее правительство не будет активно бороться против единоверцев за границей. Как ошибался Оливарес, и как мало тогда Европа знала только начавшего свою министерскую деятельность Ришелье! Уже через пять лет почти все католические государи полностью перестанут доверять ему.

Заинтересованным сторонам необходим был приемлемый компромисс. Он был найден двумя дипломатами – французским послом Франсуа де Бассомпьером в Мадриде и итальянцем Джулио Мазарини непосредственно на месте. А выиграл спор, в сущности, Урбан VIII. Важную роль здесь сыграл Джулио, посланный Палестриной к Кордове и уговоривший его оставить в Вальтелине папские гарнизоны. Бассомпьера и Оливареса этот вариант сейчас вполне устраивал. В результате Вальтелина оказалась под присмотром римского папы, а Мазарини снискал заслуженный успех.

Все же сомнительно, была бы карьера Джулио столь удачной, если бы не политико-дипломатическая заварушка, спор по поводу пресловутого «мантуанского наследства», разгорев-

шийся в Северной Италии уже в конце второго периода Тридцатилетней войны, длившегося с 1625 по 1629 годы.

Главными итогами же первого периода стали переход баланса сил в Европе к католическому блоку и резкое повышение авторитета императора Священной Римской империи Фердинанда – очень воинственного и честолюбивого правителя. Это привело к тому, что во втором периоде стали более активными, хотя и не принесли результатов, действия антигабсбургской коалиции. Это, во-первых. А, во-вторых, усилились разногласия в габсбургско-католическом лагере между Католической лигой, Испанией, Империей и Святым престолом.

В 1627 году умер герцог Мантуанский из рода Гонзага (знаменитые камни этой фамилии есть в Эрмитаже). Его наследство должно было перейти к французцу – герцогу Шарлю де Неверу. Чтобы не допустить усиления французского влияния в Италии, Мадрид оружием поддержал претензии на Мантую герцога Савойского Карла-Эммануила. Тот, преследуя свои династические и территориальные интересы, стал врагом Франции и насильно отрезал от мантуанского наследства в свою пользу часть маркизата Монферрато. Император Фердинанд II поддержал эту акцию. Над французским королевством собирались грозные тучи – возникла угроза полного окружения испанскими и австрийскими Габсбургами.

Оливарес шел ва-банк. Сейчас его положение в Испании было непрочным: покровительствовавший ему король Филипп III в 1621 году скончался, а при новом короле Филиппе IV первый министр стал крайне непопулярен из-за введения непосильных для населения налогов. Успешные военные действия могли значительно улучшить ситуацию и укрепить его авторитет. Одновременно он полагал, что осажденная Ришелье гугенотская крепость Ларошель еще некоторое время продержится, и у французского кардинала будут связаны руки.

Но не тут-то было. Ларошель пала в октябре 1628 года. И уже в январе 1629 года первый министр Франции вынашивал планы открытой войны с Испанией с целью ограничить ее господство в Северной Италии. Он рисковал не меньше, чем Оливарес – аристократические заговоры с целью его устранения с 1626 года шли непрерывной чередой. Военной неудачей могла ловко воспользоваться мать короля Людовика XIII Мария Медичи. К тому же репутация имперских и испанских военачальников, особенно Валленштейна и Спинолы, после успешных военных кампаний второго периода европейской войны была очень высока.

Близилась весна. В Южной Европе уже наступила весенняя распутица. Неожиданно для всех в конце марта 1629 года кардинал Ришелье ринулся во главе французской армии через Альпы в Италию, повторив подвиг Ганнибала и предварив знаменитый переход Александра Суворова. Прорвавшись через Сузское ущелье, французы нанесли ряд поражений испанским и савойским войскам и овладели важной в стратегическом отношении крепостью Казале.

Итальянцы не оказывали сопротивления, а напротив, помогали французам, чем могли. Нечто подобное произошло спустя полтора столетия, когда другой французский гений – Наполеон Бонапарт – в 1796 году пришел в Северную Италию.

19 апреля в Сузе был подписан договор между Францией, Савойей и Венецией, подтверждавший права де Невера на Мантую и Монферрато. Параллельно стороны заключили союз против Испании. Казалось, успех был закреплен, а Кордова разгромлен окончательно. Но в мае 1629 года свои войска в Ломбардию с целью очистить ее от французов направил Фердинанд II, а испанский генерал Спинола напал на Монферрато.

Осенью 1629 года была сформирована новая 15-тысячная французская армия под командованием маршала де Лафорса. Общее руководство походом осуществлял Ришелье. Французы вторглись в Пьемонт и в конце марта 1630 года овладели крепостью Пинероло. Отсюда открывались пути на Милан, Геную и в Швейцарию.

Эти события очень обеспокоили Урбана VIII и его окружение. Его пугал триумф Габсбургов и Фердинанда II по итогам окончания второго периода Тридцатилетней войны, который почти полностью был обеспечен блестящими победами талантливого имперского полководца

Альбрехта фон Валленштейна. Главной задачей папы римского в данный момент было сохранить статус-кво в Северной Италии.

Нельзя сказать, что Урбан VIII был слишком умен. Но иногда небо посылало ему озарение, которое часто является основой успеха. Этим озарением для папы стало решение послать в Северную Италию Джулио Мазарини.

Между воюющими сторонами начались закулисные переговоры. Сопровождавший папского легата Антонио Барберини молодой дипломат выехал в район боевых действий с целью посредничества и возможного примирения. Несмотря на дождливую погоду и непролазную грязь, Джулио был бодр и весел, хотя немного волновался. Он верил в самого себя.

Политические события прошедших лет несколько скорректировали взгляды и пристрастия Мазарини. Он понимал, что победы Католической лиги могут привести к созданию универсальной монархии, диктовавшей свою волю всей Европе. Ему, как папскому дипломату, это было невыгодно. С другой стороны, Джулио обратил внимание на страну, население которой было в два раза больше, чем в Испании, а ее первый министр начал править столь эффективно, что его решения стали существенно влиять на ход событий на континенте. Впрочем, то же заметил кардинал Франческо Барберини, ненадолго вышедший тогда из своей обычной меланхолии. А кардинал Антонио предоставил своему помощнику полную свободу действий.

Главные усилия Мазарини были сосредоточены на том, чтобы обеспечить свободу альпийских проходов, как для французов, так и для габсбургских армий. Его первая встреча с Ришелье состоялась 29 января 1630 года в Лионе. Здесь, сопровождаемый герцогом Монморанси, кардинал пребывал в ожидании второго похода в Северную Италию на помощь де Неверу. Первый министр Франции не спешил, тщательно планируя каждый свой шаг. Возможно, он выжидал, как развернутся события дальше. Миссия молодого папского посланца заключалась в том, чтобы объяснить Ришелье намерения своего господина (т. е. Урбана VIII), предложить помощь в урегулировании конфликта и посредничество между французской стороной, с одной стороны, и савойским герцогом и испанцами, с другой.

Задача была не из легких, решить ее помогли не только дипломатические способности, но и хорошая осведомленность о внутренней ситуации в Испании и Франции, их главных внешнеполитических целях и планах. Джулио знал о нежелании французского правительства ввязываться в европейскую войну в данный момент. Финансы страны находились в критическом состоянии, здоровье короля также оставляло желать лучшего. Как раз в это время он надолго отдалился от своей жены Анны Австрийской, у которой не было детей. Его младший брат и наследник Гастон Орлеанский вместе с противниками Ришелье постоянно интриговал с целью занять французский престол. Когда кардинал начинал свою итальянскую кампанию, он был полновластным господином в Париже. Но стоило ему уехать, как герцог Карл Лотарингский вторгся в пределы Франции с целью посадить Гастона на престол и покончить с правлением Ришелье.

Поэтому, несмотря на боеготовность своей двадцатитысячной армии, произведшей исключительно сильное впечатление на Мазарини, французский министр по-прежнему хотел воевать в Европе чужими руками. Уже близилась к концу подготовка к высадке в Померании сильного противника германского императора – шведского короля Густава II Адольфа. Ришелье давно вел с ним переговоры и собирался заключить договор о субсидировании военных действий шведов на континенте.

Французский кардинал ничего не знал о Мазарини перед встречей в Лионе и подозрительно воспринял приезд неизвестного итальянца: «Мазарини прибыл сюда, скорее, с целью шпионить, нежели угрожать... Не исключено, что он представляет интересы наших врагов... он может быть таким же испанцем и савойцем, как и проповедником». Ришелье, прежде всего,

видел в Мазарини человека Колонны. Еще удивительно, что он предоставил ему вместе с венецианским посланником целых два часа.

И не ошибся, не прогадал. В ходе беседы предубеждение постепенно рассеивалось. Ришелье увидел, что предложения папского посла были достаточно серьезны. Ведь Джулио к этой встрече тщательно готовился и принял к сведению добрый совет кардинала Мориса Савойского, хорошо знавшего Ришелье: на кардинала нельзя было давить. Вежливая и ненавязчивая манера Джулио, его готовность долго слушать собеседника и воспринимать стиль беседы покорили Ришелье. Посланник Урбана VIII мягко упомянул о трудностях зимней кампании в Италии и немного преувеличил готовность савойской и габсбургской сторон идти на приемлемые компромиссы. В результате Мазарини обеспечил несколько встреч противников в Казалетто, Пинероло, Гренобле и Шамборе.

Конечно, это был большой риск. Его встречи с Ришелье представляли собой смесь авантюризма, ума и храбрости. Несомненно, барочная культура сформировала у Джулио культ героя, совмещавшего в себе античные и современные черты. Его герой был мужественным и смелым, но, следуя своей цели, мог использовать любые приемы. Но лейтмотивом деятельности Ришелье тоже было применение всех средств и методов для достижения наилучших политических результатов в своем государстве и за его пределами. Поэтому они недаром поняли друг друга. Ришелье надолго запомнил и оценил способности молодого дипломата Урбана VIII. «Мой инстинкт подсказал мне, что передо мной гений,» – позднее записал он в своих «Мемуарах».

Часто бывает так, что сильно разгоревшийся костер затухает сам по себе, то ли из-за начавшегося дождя, то ли из-за того, что в него перестали подбрасывать сучья и ветки. Судьба распорядилась лучше политиков и генералов, осажденных и осаждающих: дизентерия и тиф основательно просеяли армии враждующих сторон в Северной Италии. Испанский генерал Спинола умер под стенами Казале, герцог Карл-Эммануил – в своей столице в Турине. Последнему наследовал Виктор Амедей, муж сестры Людовика XIII по отцу Кристины. Ничья смерть не была плохой новостью для Ришелье. «Все в руках божьих, – посмеивался тогда кардинал, сам человек очень болезненный, – когда приехал этот Мазарини, все обернулось самым благоприятным образом».

9 августа 1630 года первый министр Франции предоставил Джулио последнюю аудиенцию перед отъездом в Париж. Он уклончиво и скептически заметил, что имел «добрые намерения, но малую власть, и не верил, что переговоры закончатся результативно». Ришелье подгоняли угрожающие донесения о болезни его короля. Умри сейчас Людовик XIII – и ему туго бы пришлось. Французский монарх не был безвольным, как часто пишут о нем биографы, но не любил вникать в политику и понимал, что Ришелье ему необходим.

Поэтому мир в самые короткие сроки был сейчас очень нужен кардиналу. В беседе с папским дипломатом он допускал, что мог бы провести более успешную кампанию. Джулио был крайне деликатным и заметил, что французский министр одержал верх, насколько это было возможным, над всеми – над папой, Савойей, своими внутренними противниками и даже Испанией: для кардинала ничего невозможного не существует.

Действительно, предпринятые по приказу Ришелье энергичные санитарные и организационные меры позволили укротить волну эпидемий и дезертирства во французской армии, восстановить ее боеспособность. Началось новое и энергичное наступление французов из Савойи в направлении Пьемонта.

Мазарини был полон восхищения фигурой великого министра Людовика XIII, ставшего для него образцом государственного деятеля на всю жизнь. Вскоре ему предстояло вновь выбрать себе господина. Многие зависело от того, как развернутся дальнейшие события. Хотя Джулио по-прежнему продолжал добросовестно служить Святому престолу, со дня встречи с Ришелье он, вследствие как восхищения, так и политической интуиции, благоприствивал

интересам Франции в Европе. Как мы дальше увидим, на протяжении всех 30-х годов дипломатия Мазарини, несмотря на свои заданные «сверху» цели, не шла вразрез с дипломатией первого министра Франции.

На одной из встреч с кардиналом Ришелье в Пинероло в апреле 1630 года Мазарини познакомился с еще одним примечательным человеком – отцом Жозефом. Этот незаметный капуцин, которого уже именовали «серым кардиналом» и «вторым я» Ришелье, был самым доверенным лицом и, пожалуй, единственным другом первого министра Франции. Отец Жозеф имел явные прокатолические симпатии и был не прочь поддерживать мир и союзнические отношения с Габсбургами и католическими князьями Империи. Он позволял себе часто спорить со своим господином и другом, и тот это терпел, поскольку понимал, что для его оппонента важны, прежде всего, государственные интересы Франции. В жизни же отец Жозеф, как отзывались о нем современники «от природы и нарочитых стараний... был замкнутым в себе человеком, который, кроме как в случае необходимости, редко давал себе отдых в обычной чувственной жизни и который вдобавок к уставу ордена, казалось, предписал себе еще и собственный устав...» Постель, в которую обычно укладывался Жозеф, являла собой тощий жесткий матрас, положенный на доски. Спал он без простынь, не снимая власяницы, которую весь день носил под заскорузлой и изодранной рясой. От постоянных бичеваний на спине и плечах почти никогда не заживали раны, и первое соприкосновение с мартасом, наверно, причиняло ему острую боль. Но «серый кардинала» привык к таким неудобствам и выучился не только терпеливо их сносить, но даже радоваться им – эта боль посылалась и терпелась ради вящей славы Божией и во спасение души. Долгая привычка развила в нем такую выносливость, что позже к умерщвлению плоти он прибавил еще и пытку, прописанную врачами. Тогда считалось, что прижигание затылка раскаленным железом поправляет слабевшее зрение. Поэтому Жозеф, откидывая капюшон, обнажал красневший ниже тонзуры, вечно воспаленный от регулярных ожогов рубец. Таков был режим правой руки кардинала Ришелье. Как видим, аскет Жозеф и жизнелюб Мазарини были явными противоположностями, но в Северной Италии капуцин подыгрывал папскому легату, стараясь утихомирить итальянские амбиции Ришелье.

В июне 1630 года открылся общегерманский рейхстаг в Регенсбурге, на котором попутно шли напряженные переговоры о заключении мира. Официальным послом кардинала там был Брюлар де Леон, неофициальным – отец Жозеф. Почти головокружительный успех Габсбургов на втором этапе Тридцатилетней войны делал императора Фердинанда довольно упрямым – он не желал идти на признание достижений Франции в Северной Италии. Жозефу, де Леону и Мазарини пришлось несладко. Первый текст договора, ограничивавший французские территории в Италии и права де Невера на Монферрато, был отклонен кардиналом Ришелье.

Во второй половине октября 1630 года французское наступление в Пьемонте развернулось с новой силой. Отдохнувшие войска маршала де Лафорса достигли Казале, где мужественно держался осажденный испанскими войсками гарнизон Туара. Готовился последний бросок на позиции де Кордовы. Но тут внезапно на горизонте появился всадник, отчаянно старавшийся привлечь к себе внимание и размахивавший каким-то свитком. Более того, он во все горло кричал: «Мир! Мир! Кончайте стрелять!» Изумленные солдаты увидели донельзя перепачканного Мазарини, доставившего де Лафорсу согласие Кордовы снять осаду Казале и вывести свои войска без всяких условий. Папский легат сообщил и о подписании мирного договора в Регенсбурге на более выгодных для Франции условиях. Несколько месяцев спустя европейские газеты запечатлели этот подвиг, поместив на своих страницах небольшую гравюру, на которой был изображен всадник, машущий двум армиям белым свитком. Так Мазарини вошел в историю в роли воина-миротворца.

Спустя годы Джулио вспоминал этот день с удовольствием. В одном из писем 1638 года он так описывал свои впечатления: «Я говорил на публике более четверти часа. Каждый был согласен с тем, что я произносил, и начинал выражать свой восторг. В хаосе беспорядочных

выкриков стало трудно отличить француза от испанца – все стали братьями по крови, армии обнимались...»

Долгожданный мир был заключен – испанцы покидали Казале, имперские войска – Мантуу, закреплявшуюся за герцогом де Невером. Ришелье проникся еще большей симпатией к итальянцу-дипломату и официально поблагодарил его. Заметим, успех Джулио был во многом обеспечен стечением обстоятельств: на севере Германии уже появился со своими дисциплинированными солдатами, взятыми впоследствии за образец для армии вождя Английской революции Оливера Кромвеля, грозный для Империи шведский король. Но его великолепные качества дипломата уже ни у кого не вызывали сомнения.

Война завершилась, и вновь за дело взялись политики. В 1631-1632 годах при посредничестве Мазарини был заключен ряд выгодных для Франции соглашений с Савойей и властями Турина. Они подтверждали достигнутые договоренности в Регенсбурге и предоставляли беспрепятственный проход французским войскам через Северную Италию. Так переговоры, которые вел Джулио Мазарини, помогли на время успокоить Мантуанское «осиное гнездо» и освободить всю неиспанскую Италию от любых иностранных войск.

В литературе распространено мнение, что с начала 30-х годов Джулио Мазарини становится тайным агентом Ришелье. Мы этого наверняка сказать не можем. Не будем, поэтому, делать никаких далеко идущих выводов и сенсаций, ибо эта версия ничем существенным, кроме конфиденциального тона писем от кардинала к Мазарини, не подтверждается. Возможно, это тоже часть легенды о Мазарини.

Биографы также расходятся в том, когда же Джулио в первый раз посетил Париж. Некоторые даже относят это событие к 1629 году. Но прямых свидетельств на сей счет не обнаружено. Скорее всего, Мазарини впервые приехал во французскую столицу в январе 1631 года. Да и этот факт остается малоизвестным. Он пробыл там три месяца, выполняя поручения по делам Северной Италии, и контролировался папским нунцием в Париже Алессандро Бичи. Джулио, наверно, был настолько поглощен своими обязанностями, что совсем не оставил никаких записей о впечатлении, произведенном на него городом и его жителями. В Париже он познакомился с Абелем Сервьеном, военным министром Ришелье с 1630 года. С тех пор Сервьен, способнейший политик, становится другом Мазарини на всю жизнь. Свое впечатление о Джулио военный министр выразил Ришелье таким образом: «Этот господин Мазарини – самый достойный и самый умелый слуга из всех, когда-либо бывавших у Его Святейшества». Сервьена немало покорило и умение Мазарини разбираться в архитектурных стилях. Джулио одобрил дворец, построенный архитектором Жаком ле Мерсье на улице Сент-Оноре.

Во французской столице папский дипломат не преминул познакомиться поближе и даже подружиться с Шавиньи – молодым и симпатичным государственным секретарем Ришелье, которого кардинал тогда очень любил. Новые знакомые были почти ровесниками: Мазарини понравился Шавиньи, которому и в голову не могло прийти, что в один прекрасный день разговорчивый итальянец станет преемником и продолжателем дела Ришелье. Вот тогда появится зависть и ревность.

Несомненно, Джулио играл в Париже двойную роль. Ему, как папскому посланцу, были открыты двери испанского посольства. От посла короля Филиппа – высокомерного, но недалекого Мирабеля – он узнал о секретных переговорах между Марией Медичи и Мадридом. Скоро об этом стало известно как Урбану VIII, так и Ришелье. Оба приняли это к сведению. Джулио был вознагражден. Давая инструкции французскому послу в Риме попросить у папы пост нунция для Мазарини, Ришелье заметил: «Я не могу назвать человека, от кого бы Его Святейшество получил больше информации, чем от него (т. е. Мазарини)».

Примечательно, что первому министру Франции в это время становится безразличным, что о нем думает безызвестный ранее итальянец. Ришелье просит Сервьена при случае

«убедить Мазарини, что все, что говорят плохого обо мне – ложь, и что я люблю его и надеюсь на него больше. Чем он может пожелать».

Заслуги молодого дипломата не остались незамеченными и в Риме. Несколько дней спустя после своего «подвига» в Казале, в октябре 1630 года от своего друга и покровителя Саккети Джулио узнал, что папа римский намерен серьезно покровительствовать его карьере, но при одном условии – он должен принять духовный сан. Признаться, молодой дипломат размышлял над этим довольно долго. И решился. Во время его очередного пребывания во Франции, 18 июня 1632 года нунций Бичи совершил в церкви Сен-Менгуль скорый обряд посвящения Мазарини в духовный сан. Бичи, впоследствии назначенный Людовиком XIII приором монастыря, станет добрым другом папского дипломата. На это Джулио согласился, в первую очередь, ради карьеры и богатства: по приезде в Рим он становится каноником церкви Св. Иоанна Латеранского, затем прелатом с почетным обращением Монсиньор. Его включают в состав секретариата римской курии в должности протонотариуса. С начала XVII века секретари папы жили и работали во дворце римского понтифика и благодаря личному общению с папами обладали немалым влиянием. Они были в курсе всех дел Рима, поскольку занимались составлением документов, канонических постановлений и указов, перепиской папы с государями Европы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.